

Автор песни крокодила Гены «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ. БОЛЬШЕ КРОКОДИЛА

Он прошел блокаду, имел много проблем с КГБ и пережил эпоху поэтического подполья. Его стихи мир увидел с опозданием в 40 лет. Большинству из нас он известен как автор песенки «Пусть бегут неуклюже...». Но как признается он сам, ему всегда хотелось, чтобы люди познакомились в его творчестве с чем-то большим, чем эта песня. Наш разговор — с поэтом, драматургом и сценаристом

Александр Тимофеевский.
Душанбе, 1962 г.

Александром Тимофеевским.

Полёт в брюхе жестяной рыбы

— Александр Павлович, первую зиму войны Вы провели в блокадном Ленинграде, Вам было 8 лет. Какой эпизод из блокады для Вас стал самым ярким?

— Блокада очень хорошо запомнилась, и ярких эпизодов было много. Помню, как в самом начале войны, в июле, уходили солдаты и как висели над городом

дирижабли. Помню «разрезанный» от удара бомбы сверху донизу дом, где можно было увидеть предметы быта: кровати, обои, какие-то детские игрушки... Тревоги следовали одна за другой без перерыва. До сих пор помню, как горели Бадаевские склады... Гигантское зарево в полнеба — никогда после я такого сильного пожара не видел.

И уж точно я никогда в жизни так не гордился русскими людьми, как теми, кто окружал меня в осажденном Ленинграде, в нашей коммунальной квартире. Я со стыдом думаю о том, сколько раз, живя в мирное время, я терялся, впадал в уныние — а они до последней минуты не поддавались слабости, шутили, смеялись, заботились друг о друге. В нашей квартире тогда жил дальний родственник с чудным именем Алефтан. Он был громадного роста, ему более, чем другим, не хватало еды. И он варил себе суп из столярного клея — больше ничего не было. И я помню, что он постоянно пел. Пел даже за несколько часов до смерти: как и многие блокадники, он умер от истощения. Весельчаки, шутники, очень добрые... Вот такое впечатление у меня осталось о тех людях.

Весной сорок второго мы с мамой эвакуировались. Вылететь из Ленинграда тогда значило получить счастливый билетик. Самолеты

Кадр из мультфильма
«Чебурашка»

привозили в Ленинград продовольствие — хлеб, сахар и масло, а обратно вывозили детей, стариков и женщин. На аэродром нас провожали любимые бабушки: они были совершенно истощены, и я помню, как струи ветра от вертящихся винтов самолета едва не сбивали ослабших бабушек с ног. Я, маленький, это понимал, и мне было очень горько.

С нашей эвакуацией связана целая цепь событий. Оказалось, мама перепутала дату, и мы приехали на аэродром на день раньше нашего отлета. Тем не менее, она добилась, чтобы нас всё-таки посадили на самолет. А на следующий день в нашу квартиру попала бомба...

Анна Ахматова писала: «Словно в брюхе жестяной рыбы». Это очень точное выражение. Представьте себе внутренность самолета «Дуглас», разделенную ребристыми перегородками; никаких сидений там не было, люди располагались на своих мешках и чемоданах — действительно, как в брюхе огромной рыбы, внутри которой мы все оказались.

Кроме нашего самолета летело еще два «Дугласа» с такими же, как мы, эвакуированными. Неповоротливые грузовые самолеты охраняли истребители. Из Питера мы должны были прилететь в Вологду, и нам сказали, что, как только минует Ладожское озеро, можно уже не волноваться. Но именно в этот момент нас атаковали немецкие самолеты. Наши истребители при виде «Юнкерсов» повернули обратно. А немцы

Изображение: <http://mtdata.ru/u11/photo1B5C/20084529311-0/original.jpg>

один «Дуглас» тут же сбили, ещё один обстреляли, и тогда, не долетев до Вологды, мы сделали вынужденную посадку на аэродроме в Хвойной. Когда приземлились, мама видела, как из второго самолета выносили окровавленных детей и взрослых. Потом, после войны, она никогда уже не летала, ездила только поездом. А наш самолёт, слава Богу, уцелел.

Ещё одно чудо — в Хвойной мы попали в какую-то воинскую часть, где нас угостили варёной картошкой. Вот это незабываемо, потому что в блокадном Ленинграде мы ели силос — корм для скота, и для нас тогда он был большим лакомством. А тут — картошка, да ещё и с маслом! Из Хвойной мы вылетели благодаря какой-то невероятной маминой энергии. Как потом выяснилось, через шесть часов после нашего вылета в Хвойную вошли немцы. Ещё дней сорок мы провели в Вологде, потому что я серьёзно заболел. А потом в теплушках мы поехали на восток, в Челябинск, к бабушке. Вот вам история нашего отлета из блокадного Ленинграда.

— Насколько я знаю, одним из самых серьёзных потрясений в Вашей жизни стал расстрел Ваших друзей из литературного кружка...

— Да, в 1944 году мы вернулись в Москву. Я стал ходить в литературной кружок при Доме пионеров на улице Стопани. Школа мне представлялась тюрьмой, а кружок, где мы все занимались поэзией, был для меня

отдушиной. Мне было тринадцать лет, а там были старшие, которым было по шестнадцать-семнадцать, а я с ними мог говорить на равных о Блоке, Есенине, Маяковском. Мне это очень льстило. После занятий мы гуляли по всей Москве, читали стихи, пели песни.

Но история с литературным кружком кончилась трагически. Старшим ребятам стены литературного кружка стали узки, и они решили заниматься литературой отдельно. Принялись самостоятельно, а не по указке пионерской руководительницы, изучать поэзию, и я помню, как один из кружковцев Борис Слуцкий, однофамилец известного поэта, сделал блистательный доклад о символистах, который он читал два дня подряд, каждый раз по три часа.

И тут мы с моим приятелем, влюблённые в одну из девочек, поняли, что она увлечена докладчиком, а на нас не обращает никакого внимания, и мы поклялись больше никогда не приходить на эти занятия. Тем временем ребята отошли от литературы и стали изучать «Государство и революцию» Ленина. Кто-то вспомнил, что их сверстники из колхозов не имеют паспортов и значит — не могут поступить в институты, дальше больше... На рубеже 40-х — 50-х годов органы инспирировали акцию «Юные ленинцы». В компании мыслящих молодых людей засылались провокаторы. Моим друзьям вменили в вину антисоветскую деятельность. Был суд, троих мальчиков приговорили к расстрелу, другие получили по десять, двадцать, двадцать пять лет лагерей. Одна девочка получила семь лет за поцелуй на лестнице.

Может быть, самое страшное, что я видел в своей жизни, — это глаза родителей. Мы ведь ничего не могли понять, куда пропали ребята, и когда пошли по домам просто узнавать, что случилось, то видели совершенно безумные глаза их матерей и отцов...

Затем, уже в старших классах, школе я предпочитал Историческую и Ленинскую библиотеки. Они были для меня домом: я проводил там целые дни, с утра до вечера. Ещё при жизни Сталина, в 1952 году, в Ленинской библиотеке я прочел стенограммы съездов партии. Удивительно, если бы эти стенограммы нашли в доме при обыске, владелец получил бы десять лет. А в библиотеке я получил их из спецхрана, и ничего со мной не случилось. Но благодаря этим стенограммам я понял, что история наша происходила совсем не так, как нас учили в школе. То есть ещё до Хрущева я кое-что уже знал.

Курилки библиотек стали инкубаторами будущих диссидентов — много выражения не найду. Там собирались молодые люди, которые горячо обсуждали все политические новости. В 50-е годы я был постоянным посетителем курилки, там я спорил до хрипоты о том, что происходит в окружающей жизни. А за стенами библиотеки начиналась «оттепель».

Недолгий рассвет

— **Чем для Вас стало то время, которое сегодня называют оттепелью?**

— Сейчас трудно представить себе времена сталинизма, когда в лирической поэзии дозволялось писать только о любви к партии и её вождю. И вдруг в 1956 году журнал «Знамя», Пастернак: «Под ракитой,

обвитой плющом / От ненастья мы ищем защиты / Наши плечи покрыты плащом. / Вкруг тебя мои руки обвиты». Телесная любовь! Это было как взрыв атомной бомбы. В самиздате Есенин-Вольпин: «О сограждане, коровы и быки, / До чего вас довели большевики...»

Мы открывали для себя Мандельштама, Ходасевича, Цветаеву. Из рук в руки передавались статьи философа Григория Померанца. Мне посчастливилось познакомиться с бесстрашным поэтом Коржавиным. Всё его творчество — приговор хозяевам ГУЛАГа. Стихотворение Бориса Слуцкого было для нас гимном оттепели: «Покуда над стихами плачут, / Пока в газетах их порочат, / Пока их в дальний ящик прячут, / Покуда в лагеря их прочат, — / До той поры не оскудело, / Не отзвенело наше дело. / Оно, как Польша, не сгинело, / Хоть выдержало три раздела». Так же как стихи Пастернака:

«Ты значил всё в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.
И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил...»

Фото: <https://revizornews.tmweb.ru/uploads/post/202011/160499117641.jpg>

Это стихотворение о возвращении в жизнь Христа и Его заветов, что столько времени было под запретом и что так блистательно было выражено Пастернаком. Хотя думаю, что тогда я это стихотворение даже не понял. Так бывает, когда читатель иногда не проникает в глубинное содержание произведения, но сам эмоциональный заряд ему очень близок.

— У Вас есть стихотворение «На смерть Фадеева», где Вы писали, что его самоубийство — это приговор соцреализму. Вы сейчас согласны с тем, что написали тогда?

— Представьте себе: мне было 23 года, я был молодым горячим студентом, и вот меня окружают люди, которые только что вернулись из ГУЛАГа. У моей первой жены была арестована вся семья: отец, мать, старшая сестра Майя Улановская, она входила в тот кружок, о котором я уже говорил, и была приговорена к 25 годам лагерей — потом, естественно, реабилитирована. Вернувшись, Майя рассказала о том, что вместе с ней сидела одна из девушек, которая в романе Фадеева «Молодая гвардия» выведена как предательница. В то время как на самом деле была невиновна. И вот, отпустили из лагеря бывшего полиция, отпустили еще кого-то, кто на самом деле был предателем, — а она продолжала сидеть. Её ненавидели караульные, и Майя давала ей свой бушлат, чтобы её ненароком не подстрелили.

Было также известно, что Фадеев, руководитель Союза писателей, подписывал арестные документы. И потом ещё рассказывали, как Фадеев на вопросы иностранных журналистов о писателе Бабеле отвечал: «Да вот он живет со мной в одном доме». — «А что же о нём ничего не

слышно?» — «Да вот он пишет роман», — и так далее. Хотя он не мог не знать, что Бабель к тому времени был уже расстрелян. И когда в 1956 году я узнал о самоубийстве Фадеева, я написал стихотворение, из-за которого потом у меня были серьёзные неприятности с КГБ. Были там такие

строчки: «Ты умер. А как же отчизна / — Забудет, осудит, простит? / Как приговор соцреализму, / Твой выстрел короткий звучит, / И нету ни горя, ни боли, / Лишь всюду твердят об одном, / Что был ренегат-алкоголик/ России духовным вождем. / Для нас это, впрочем, не ново, / Не тратьте на мёртвых слова, / Пока существует основа, / Покуда система жива».

Хотя сейчас я, скорее всего, не стал бы писать стихи, так жёстко осуждающие Фадеева.

— А почему?

— Пастернак в одной из своих последних статей говорит как о писателях — жертвах сталинизма, так и о тех, кто одновременно был и жертвой, и палачом. Борис Леонидович находит очень точную интонацию в рассказе о Фадееве и сожалеет о нём. И я верю ему, потому что уж он знал этого писателя лучше, чем я.

— Ваши стихи не печатали много лет. Насколько серьёзно это Вас огорчало и мешало Вам?

— Сложно ответить. Всегда кажется, что, коль скоро тебя не печатают, значит, ты очень плох и никуда не годишься — и эта мысль тебя никогда не оставляет. Вспоминается Юрий Борисович Норштейн, который, работая над одним из любимейших мной мультфильмов «Сказка сказок», в какой-то момент закричал: «Ужасно! У меня ничего не получается!» Но получился-то прекрасный фильм! С другой стороны я гордился, что меня боится всемогущий КГБ.

Простая «шалость»

— Вы упомянули Юрия Норштейна. Вы много лет работали на студии «Союзмультфильм». Многие люди знают Вас именно как автора ушедшей в народ песни «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам»...

— Да, к сожалению, меня знают как автора песенки крокодила Гены.

— То есть Вас это сердит? А почему? Разве песня плохая?

**Александр Тимофеевский
с супругой Натальей**

— Я вам расскажу одну историю про Пушкина. Выходя из ресторана «Яр», он встретил мальчика. «Вы Пушкин?» — спросил мальчик. «На что вам?» — ответил Пушкин. «Вы же написали “Чёрную шаль”». — «Откуда вы знаете?» — «Мой брат поет, вся Россия поет» (действительно, Пушкин какое-то время был Окуджавой России, все пели: «Гляжу, как безумный, на черную шаль»). «А кроме “Чёрной шали” вы больше не знаете ничего?» — спросил Пушкин. Мальчик покачал головой. И тогда Пушкин тут же выдал экспромт: «Вы знаете одну лишь “Шаль”. /Какая жалость! /Моя, мой милый, это шаль. / А проще — шалость»...

Вот и мне бы хотелось, чтобы до читателя дошли какие-то более серьёзные мои тексты, которые для меня являются особенно важными, а не песенка крокодила Гены. Дело в том, что по сценарию мультфильма эта песня вообще не планировалась. А когда решили, что надо песню написать, Эдуард Успенский, автор книги «Крокодил Гена и его друзья», был в командировке, и посоветовал создателям мультфильма меня.

— Вы начинали работу в мультипликации в эпоху, когда создавались лучшие советские мультфильмы. Расскажите, а в анимации тоже была холодная война? Как относились к Диснеевской студии — «за» или «против»?

— К счастью, в мультипликации никакой холодной войны не было, хотя действительно работы «Диснея» в СССР тогда можно было увидеть только в редких клубных показах. Вообще, советская мультипликация многое взяла от Диснея...

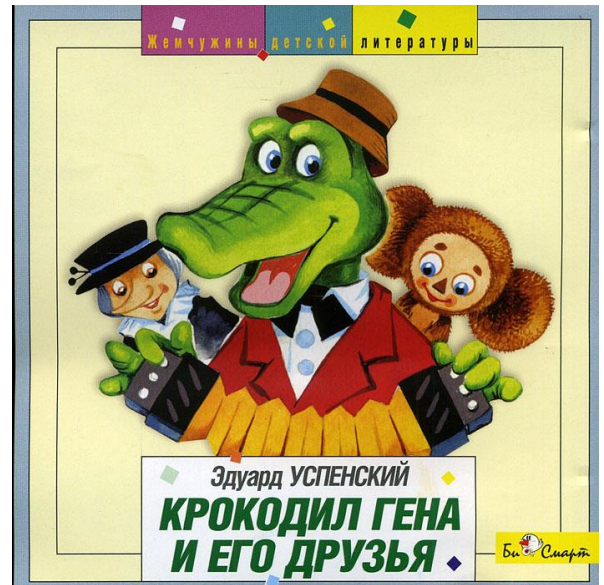
Хотя мастера у нас были блистательные. Непревзойденным мультипликатором мне представляется Борис Дёжкин, автор фильмов «Шайбу! Шайбу!», «Матч-реванш», «Снежные дорожки»... Режиссёры: Лев Атаманов, Иванов-Вано, сестры Брумберг, Хитрук, Качанов, Хржановский, Норштейн... Трудно поставить точку, перечисляя создателей мультфильмов, которые восхищали многих. Неслучайно кто-то из римских пап (не помню, кто именно), рекомендовал смотреть советские мультфильмы — потому что они очень добрые.

«Я мечтаю об ощущении, что небо близко»

— Александр Павлович, своё поколение Вы называете поколением атеистов. И в то же время, насколько я знаю, у Вас была очень верующая тётя. Это как-то отражалось в Вашем детстве, в молодости? О Боге говорили в Вашей семье?

— Вы знаете, всё было очень сложно. Я, например, навсегда запомнил, как тётушка водила меня в церковь, когда мне было 4-5 лет. Помню, как мы с ней ходили в храм в день Святой Троицы, и всё было украшено зеленью. Конечно, я не понимал высокой святости церковного праздника, но до сих пор осталось в душе чувство радости от того, что все радовались и все меня любили.

Но мы жили в советское время, когда всё это сильно осуждалось. Мои близкие в разговорах о вере были очень осторожны. Тем более что два деда были репрессированы и расстреляны. Поэтому я рос и о христианстве не знал практически ничего. Но прекрасно помню, как в молодости я удивлялся тому, что в советских учебниках, в разных статьях все время писалось: «Мировоззрение Достоевского было ошибочным», то же самое про Гоголя, про Толстого. И тогда я думал: почему же некий имярек, который никогда не ошибается и пишет об ошибках этих писателей, не является властителем дум? Если он так всё

хорошо понимает, то почему тогда прославляют не его, а этих вечно ошибающихся. Вот это мне приходило в голову. Но христианский посыл в произведениях великих классиков всё равно, к сожалению, мной был не понят.

И вот что ещё меня удивляло. Ленин почти в каждой своей статье нападал на Бога, подобно Катону-старшему, который свои речи заканчивал словами «Карфаген должен быть разрушен». Меня его яростный атеизм поражал, потому что он делал это некстати и без особенной необходимости. Ну, можно понять, существует спор атеиста с идеалистом, и атеист доказывает свою позицию. Но когда речь идёт о кооперативе, он и здесь обязательно скажет о том, что Бога нет, и было совершенно непонятно, какое это отношение имеет к кооперативу. А потом я стал думать, что это похоже на какое-то дьявольское наущение.

Когда мне было за сорок лет, я работал на телевидении. Работник телевидения, замеченный в церкви, был бы уволен немедленно. Это о советских порядках.

— А Вы помните, когда впервые прочли Евангелие?

— Евангелие я впервые прочитал лет в тридцать. Его мне подарила тётушка, и оно до сих пор стоит у меня на полке. Тетушка подспудно и очень осторожно подводила меня к учению Христа, она вообще никогда

ни на кого не давила, и только иногда, когда это было возможно, говорила о вере.

Но решительным толчком к тому, чтобы обратиться к Евангелию, стало вот что. Когда мне было 28 лет, умерла моя первая жена, и это стало для меня сильным ударом. Я решил тогда бросить писать стихи и не писал почти три года, жил с растрёпанной душой, вёл себя очень нехорошо, много пил. И вот однажды, сам не знаю как, я очнулся в квартире у Макса Жеребчевского, художника-постановщика мультфильма «Бременские музыканты». Мы с ним дружили, и каким-то образом я после очередной разгульной ночи забрёл к нему. И тут, когда я очнулся, Макс стал упрекать меня в том, что я веду беспутную жизнь, и заговорил со мной о Боге.

Это было для меня абсолютным потрясением. Мне тогда приходилось слышать о Боге только от стариков. И вдруг я узнаю, что мой друг и ровесник оказывается глубоко верующим человеком! Среди моих сверстников я таких людей в те времена не встречал. Макс рассказывал мне о своей вере, а я смотрел на него с широко открытыми глазами. Но после этого разговора я прочел Евангелие от корки до корки.

Я помню удивительное ощущение от образа Богочеловека. Помню, я прочёл и подумал о том, как трудно Ему было втолковывать ученикам

Юрий Норштейн - на презентации книги Александра Тимофеевского «Ответ римского друга». Фото Дмитрия Гасина

то, что Он говорил. Объясняет им такие, казалось бы, простые и очевидные вещи. Не воспринимают. А потом я понял, что это продолжается и по сей день. Заповеди Его так просты, естественны и человечны, но мы их плохо исполняем и понимаем с большим трудом. Христос продолжает разговор с нами. Времени нет, нет разрыва в две тысячи лет. Евангелие написано как бы вчера и для нас.

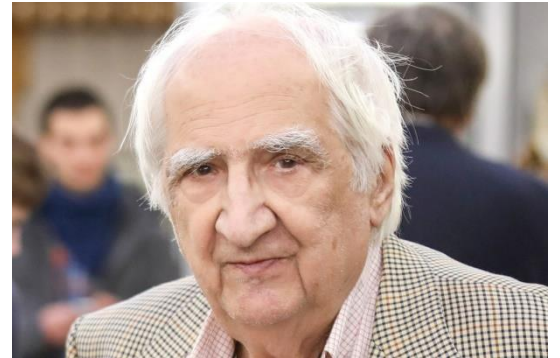
— Какие ощущения у человека, который 30 лет в Бога не верил, а потом вдруг взял и прочитал эту книгу? Что-то меняется?

— Я думаю, что меняется, но не сразу. Наверное, чтобы сразу принять учение Христа всей душой, человек должен обладать нравственной гармонией. А если такой гармонии нет, то прийти к глубокой вере очень сложно. И ещё, конечно, атеистическое наследие, которое накопилось, очень мешает. Ты ещё долго ощущаешь себя полуверующим-полуатеистом, и вопрос, есть ли Бог или Бога нет, тебя все время не оставляет. Движение к Богу очень непростое. Любовь глубоко интимна.

Я бы хотел прочесть две вещи: одну мою, а другую — моей тетушки, она тоже писала стихи. И вы сразу почувствуете два разных мироощущения. В 1972 году, то есть почти в сорок лет, я написал поэму «Молитва», вот характерный кусочек из нее:

«...Дни мои измерены, а ноченьки долги.
Снятся мне измены, предательства, долги.
О, как же это надо, чтоб небосвод — разверст,
Чтоб пасть ничком под градом
в меня летящих звезд,
Назвать Тебя по имени и волю дать слезам.
Прости меня, прости меня, за что — Ты
знаешь Сам.
Я изменил любимой, я изменил себе,
И жёлтым одуванчикам на склоне горы
лиловой,
Где даже в полдень со дна глубокой шахты
Виднелась звёздочка.
Которая измена горше, И сам не знаю.
Прости мне, Господи!
Прости меня, о Боже, забудь про всё на миг!
О, как же я ничтожен, о, как же Ты велик!
Ты был со мною рядом и подавал мне знак.
Я знал всегда, что надо,
но делал всё не так...»

А теперь — отрывок из стихотворения «Пасхальные дни», которое, рассказывает

Справка: Поэт и сценарист Александр Тимофеевский (родился 13.11.1033 г.) умер на 89-м году жизни 7 января 2022 года (в Праздник Рождества Христова). Он был автором «Песенки крокодила Гены» и других стихотворений для детей и взрослых. Работал редактором на киностудии «Таджикфильм», а в 1963-1983 годах – редактором на киностудии «Союзмультфильм», где писал сценарии и песни к мультфильмам. 12 января в церкви Большого Вознесенья у Никитских ворот в Москве прошло отпевание поэта и подвижника отечественной мультипликации. Последний приют Александр Тимофеевский обрёл на Троекуровском кладбище.

о дореволюционном детстве автора, но было написано [Екатериной Тимофеевской](#) во второй половине XX века:

Время заутренней светлой.

Я в платье белом. / В час необычный выходим. / На улице людно.
Светятся окна домов в трепетном ожиданье. / Небо торжественно звёздно.
И близко. / Так близко! Не звон колоколов, над всей Россией /
трезвонивших, благовестивших нам, / не праздничный, весь озаренный
храм / оставит в сердце свет неугасимый, / не ликованье хоров: Он
воскрес! — / а таинство приближенных небес, / созвездий дышащих... Их
славословью внемлю / в Святую Ночь, объемлющую землю.
Так радостно...

И вот я мечтаю о таком светлом чувстве, вот о таком восторге, и о чистоте собственной души, и об ощущении, что небо близко.

— А у Вас есть образец человека, который бы вот это все, о чем Вы мечтаете, стяжал?

— Вы знаете, мне Господь посылал в жизни очень много замечательных людей. Но таких светлых людей, как моя тётушка, я больше никогда не встречал. Она была сама любовь. Я знал её с четырех лет и до дня её смерти, и всегда считался её самым любимым племянником. И вот её не стало — она ушла. Поминки. Встает одна женщина: «Я была самой любимой у Екатерины Павловны». Встаёт другой человек: «А ведь я был её любимцем!» Встает третий и говорит то же самое.

Это несколько не было мне обидно. Я просто вдруг по-настоящему понял, какое чудо — любовь, я вдруг по-новому прочувствовал евангельскую историю о том, как Христос пятью хлебами смог накормить пять тысяч человек.

Беседовала Д.Барина. Источник : <https://foma.ru/aleksandr-timofeevskiy-bolshe-krokodila.html>
Ещё больше интересных статей см. на сайте: <https://небесный-дом.рф>

(или: <https://nebesniydom.ru>).

ЧУДНЫЙ СВЕТ ПОЧТИ КАЖДУЮ НОЧЬ ОСВЕЩАЛ
МОГИЛУ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ...

СВЯТОЙ МУЧЕНИК ГОБРОН

ДЕНЬ ПАМЯТИ - 30 НОЯБРЯ (ПО НОВ. СТ.)

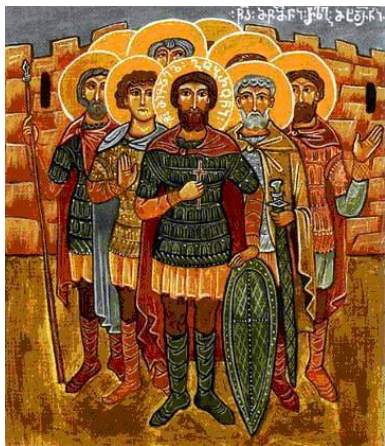
Мученик Гоброн, во святом Крещении Михаил, и с ним 133 воина - грузинские мученики X века. Мученик Михаил, происходивший из знатного княжеского рода, с юных лет отличался храбростью и неустрашимостью, за что и был

прозван Гоброном (что значит на арабском языке "мужественный, храбрый").

В 914 году арабский военачальник Абдул-Касим, опустошив Армению, захватил Тбилиси и осадил крепость Квели, защищаемую святым Гоброном и его воинами. После 28-дневной осады, вероломно нарушив заключенное перемирие, арабы ворвались в крепость и пленили ее стойких защитников во главе с Гоброном.

Мученический венец

Грузинский царь Адарнасе II (881 - 923) выкупил многих пленных, но на выкуп святого Гоброна арабы не согласились. Эмир предложил ему принять ислам,

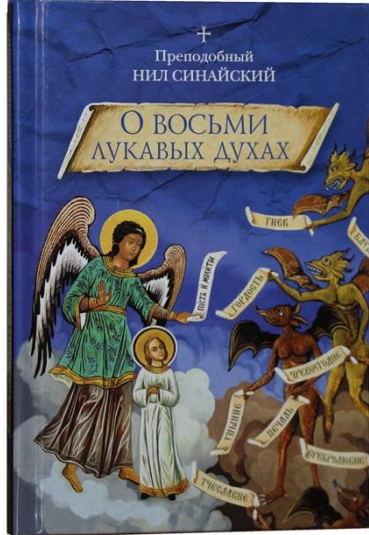
обещая свободу и богатство, но получил решительный отказ. Тогда на глазах у святого Гоброна были истреблены 133 его воина, также отказавшиеся отступить от веры во Христа. Святой Гоброн, омочив в крови мучеников палец, изобразил на своем лбу крест и, возблагодарив Господа за ниспосылаемый мученический венец, кротко и незлобиво принял смерть через усекновение главы 17 ноября 914 года.

Чудный свет

Автор "Мученичества Михаила (Гоброна)" (914 - 918) Тбетский епископ Стефан повествует, что тело святого Гоброна и тела 133-х его воинов были зарыты в общую яму. "Чудный свет почти каждую ночь освещал могилу святых мучеников, множество больных, приходивших на могилу святых, получали здравие". [Источник: https://days.pravoslavie.ru/Life/life2553.htm](https://days.pravoslavie.ru/Life/life2553.htm)

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СИНАЙСКИЙ **ДЕНЬ ПАМЯТИ - 25 НОЯБРЯ (ПО НОВ. СТ.)**

Преподобный Нил был родом из Константинополя, где он получил прекрасное воспитание, изучил всю книжную премудрость и был прекраснейшим оратором. Достигнув совершеннолетнего возраста, он женился на одной добродетельной женщине, от которой имел двух детей – сына и дочь. Вследствие своего знатного происхождения и личных достоинств, Нил был назначен префектом столицы. Он проводил богоугодную и добродетельную жизнь; но пороки, господствовавшие при царском дворе,

заставили его опасаться за свое спасение и покинуть свет.

Под влиянием проповеди святителя Иоанна Златоуста вместе с супругой он принял решение посвятить себя богоугодной жизни. Его жена с дочерью отправились в один из египетских монастырей, а сам Нил с сыном Феодулом стали иноками Синайской горы.

Спасение от варваров

Нил поселился в пещере у горы Хорив, где в тот период складывалась монашеская община монастыря Святой Екатерины. В синайской пустыне Нил провёл 40 лет, привлекая своим аскетизмом многих верующих.

На пустыню ту сделали набег варвары, кои, подобно диким зверям, внезапно напав, многих святых отцов убили, а иных взяли в плен. Вместе с другими они отвели в плен и Нилова сына Феодула. Во время нападения разбойников на Синайский и Раифский монастыри сам святой находился далеко и остался невредимым. Нил горько рыдал о сыне, в особенности же, когда услышал, что он обречен был варварами на принесение в жертву языческим богам.

Но Бог сохранил Феодула целым и невредимым, потому что его выкупил у варваров епископ города Емеса, назначивший его впоследствии церковным клириком. Узнав о сем, Нил сам отправился в город Емес и с честью был там принят епископом, который, против его желания, – рукоположил его в сан пресвитера и упрашивал его жить при нём. Когда же блаженный Нил не пожелал оставаться там, но решился снова удалиться в Синай, епископ возвратил ему его сына и с миром отпустил их. Вернувшись на Синай, Нил более не отлучался из своей пещеры и мирно скончался в 450 году.